

Автобиография, написанная 15 мая 1969 года для приёмной комиссии ВГИК.

«Приемыхов Валерий Михайлович, родился 26 декабря 1943-го в г. Белогорске Амурской обл. Русский. Член ВЛКСМ с 1958 года. Отец — заместитель директора спичечной фабрики «Искра», мать домохозяйка.

Окончил среднюю школу в городе Благовещенске Амурской обл. Год работал на производстве: токарем на электроаппаратном заводе, каменщиком-штукатуром в СМУ. Параллельно занимался в народной театральной студии при Амурском драм. театре. В 1962 г. поступил в Дальневосточный институт искусств во Владивосток. В 1966 г. окончил его. Специальность: актер драмы и кино. С этого времени работаю в г. Фрунзе актером в Государственном Русском драм. театре им. Н. Крупской. В 1968 призван в ряды Советской Армии. В этом же году демобилизовался. Серьезно запас.

Когда учился в 7 классе средней школы, в газете «Амурский комсомолец» был напечатан мой первый рассказ. Потом долго ничего не писал. В этом же году в газете «Комсомолец Киргизии» напечатан другой мой рассказ. Больше не печатался. С институту много пишу для телевидения и радио.

О ЛИНИИ ЖИЗНИ

ВЕРНО ли, что человек предполагает, а Бог располагает? Ну-ну это как посмотреть... Проходит время, и выясняется, что была все-таки какая-то линия, по которой все шло. И вот тоже одно время думал, что токарями-слесарями всякими зря работал, актерство — тоже зря. Годы уходят... А потом, понимаешь, вдруг оказалось, что все, что я про жизнь знаю, в роли-сценарии мои вошло, в рассказы-повести, в фильмах моих все это есть... И оказалось: все — не зря.

ОН МНОГОМУ НАУЧИЛСЯ, КОГДА РАБОТАЛ ДВОРНИКОМ

Из разговоров с Валерием Приемыховым

Вот я на Высшие сценарные курсы набирал, читаю: работал дворником! Дай, думаю, поговорю подробнее. А мне мальчик этот пренебрежительно: «Да эти дворники-водопроводчики... Я сидел думал!» В общегитити виковском я в котельной работал, потом дворником в замечательной библиотеке Ушинского возле Третьяковки: в моем же распоряжении шикарные ворота были! И я мальчику этому говорю: ты столько потерял! Тебе с людьми этими знакомиться надо было, узнавать их — может, ты и понял бы чего-то! Я же нормальным московским дворником был! До сих пор все про соль знаю, про машины уборочные... У меня все эти «дворники-водопроводчики» знакомые были. Я чуть ли не до сих пор помню, кому и за что бутылку был должен! А он сразу так: «водопроводчик-о-о-о-о!»

«Дебюты» мои, между прочим, никогда не радовали критику. Вот Витя Демин, помню — Царствие ему Небесное! — ужасно расст-

роился, когда брал у меня первое интервью: я не оправдал придуманного им для себя хода и оказался не случайно найденным на улице типажом, а глубоко провинциальным профессиональным артистом.

Мне, когда я первую свою роль сыграл, все сочувствовали: «Ну зачем хорошему сценаристу средним актером становиться!» А когда уже «Штаны» свои снял, возмущению предела не было: «Вот, отличный ведь артист, а зачем-то в режиссеры подался...» Да я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер. Выгоднее всего, наверное, тем считать, что вот сейчас как раз успех приносит. Ты знаешь меня «кинematографистом широкого профиля» Шукшина таким же был... Он для меня — идеал. И не только кинематографиста!

Я звереть начинаю, когда слышу или читаю, что вот, дескать, Шукшин — гениальный автор, блестящий актер и никакой режиссер; неправда это! Да, я смотрю кино его и понимаю: вот тут кадр плохо выстроен, вот тут — драматически не проработано... Он же до примитива прост! Но мне даже интересно, с каким режиссерским холами он дело имел, сказать-то ведь невозможно, что это — примитив; он начинал то, что ни кино, ни после него уже никто не делал. «Подумай», — говорят, — у него кино про провинцию... Да ты хоть десяток картин слей про эту самую провинцию, не будет в них своей, особой цивилизации, мироощущения, что у Шукшина всегда было. Люди картины его ведь потому смотрят шли, что играл он на каких-то очень дорогих для них струнах. Я, например, думал, что уж у меня-то они — точно заржавели, на них и играть-то невозможно, а оказалось... А это — задача очень сложная...

В большинстве своих ролей я играю главное, чего в общественной жизни мне не хватает: уверенность! Конечно, какие-то годы я уже потерял, но пытаюсь относиться к этому с юмором. Хотя... Нелзя, конечно, относится к юмором к профессии, к женщинам, к любви... Нелзя! Все не обязательно выстраивать из всего

маленькое, когда брал у меня первое интервью: я не оправдал придуманного им для себя хода и оказался не случайно найденным на улице типажом, а глубоко провинциальным профессиональным артистом.

Мне, когда я первую свою роль сыграл, все сочувствовали: «Ну зачем хорошему сценаристу средним актером становиться!» А когда уже «Штаны» свои снял, возмущению предела не было: «Вот, отличный ведь артист, а зачем-то в режиссеры подался...» Да я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер. Выгоднее всего, наверное, тем считать, что вот сейчас как раз успех приносит. Ты знаешь меня «кинematографистом широкого профиля» Шукшина таким же был... Он для меня — идеал. И не только кинематографиста!

Я звереть начинаю, когда слышу или читаю, что вот, дескать, Шукшин — гениальный автор, блестящий актер и никакой режиссер; неправда это! Да, я смотрю кино его и понимаю: вот тут кадр плохо выстроен, вот тут — драматически не проработано... Он же до примитива прост! Но мне даже интересно, с каким режиссерским холами он дело имел, сказать-то ведь невозможно, что это — примитив; он начинал то, что ни кино, ни после него уже никто не делал. «Подумай», — говорят, — у него кино про провинцию... Да ты хоть десяток картин слей про эту самую провинцию, не будет в них своей, особой цивилизации, мироощущения, что у Шукшина всегда было. Люди картины его ведь потому смотрят шли, что играл он на каких-то очень дорогих для них струнах. Я, например, думал, что уж у меня-то они — точно заржавели, на них и играть-то невозможно, а оказалось... А это — задача очень сложная...

В большинстве своих ролей я играю главное, чего в общественной жизни мне не хватает: уверенность! Конечно, какие-то годы я уже потерял, но пытаюсь относиться к этому с юмором. Хотя... Нелзя, конечно, относится к юмором к профессии, к женщинам, к любви... Нелзя! Все не обязательно выстраивать из всего

маленькое, когда брал у меня первое интервью: я не оправдал придуманного им для себя хода и оказался не случайно найденным на улице типажом, а глубоко провинциальным профессиональным артистом.

Мне, когда я первую свою роль сыграл, все сочувствовали: «Ну зачем хорошему сценаристу средним актером становиться!» А когда уже «Штаны» свои снял, возмущению предела не было: «Вот, отличный ведь артист, а зачем-то в режиссеры подался...» Да я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер. Выгоднее всего, наверное, тем считать, что вот сейчас как раз успех приносит. Ты знаешь меня «кинematографистом широкого профиля» Шукшина таким же был... Он для меня — идеал. И не только кинематографиста!

Я звереть начинаю, когда слышу или читаю, что вот, дескать, Шукшин — гениальный автор, блестящий актер и никакой режиссер; неправда это! Да, я смотрю кино его и понимаю: вот тут кадр плохо выстроен, вот тут — драматически не проработано... Он же до примитива прост! Но мне даже интересно, с каким режиссерским холами он дело имел, сказать-то ведь невозможно, что это — примитив; он начинал то, что ни кино, ни после него уже никто не делал. «Подумай», — говорят, — у него кино про провинцию... Да ты хоть десяток картин слей про эту самую провинцию, не будет в них своей, особой цивилизации, мироощущения, что у Шукшина всегда было. Люди картины его ведь потому смотрят шли, что играл он на каких-то очень дорогих для них струнах. Я, например, думал, что уж у меня-то они — точно заржавели, на них и играть-то невозможно, а оказалось... А это — задача очень сложная...

В большинстве своих ролей я играю главное, чего в общественной жизни мне не хватает: уверенность! Конечно, какие-то годы я уже потерял, но пытаюсь относиться к этому с юмором. Хотя... Нелзя, конечно, относится к юмором к профессии, к женщинам, к любви... Нелзя! Все не обязательно выстраивать из всего

маленькое, когда брал у меня первое интервью: я не оправдал придуманного им для себя хода и оказался не случайно найденным на улице типажом, а глубоко провинциальным профессиональным артистом.

Мне, когда я первую свою роль сыграл, все сочувствовали: «Ну зачем хорошему сценаристу средним актером становиться!» А когда уже «Штаны» свои снял, возмущению предела не было: «Вот, отличный ведь артист, а зачем-то в режиссеры подался...» Да я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер. Выгоднее всего, наверное, тем считать, что вот сейчас как раз успех приносит. Ты знаешь меня «кинematографистом широкого профиля» Шукшина таким же был... Он для меня — идеал. И не только кинематографиста!

Я звереть начинаю, когда слышу или читаю, что вот, дескать, Шукшин — гениальный автор, блестящий актер и никакой режиссер; неправда это! Да, я смотрю кино его и понимаю: вот тут кадр плохо выстроен, вот тут — драматически не проработано... Он же до примитива прост! Но мне даже интересно, с каким режиссерским холами он дело имел, сказать-то ведь невозможно, что это — примитив; он начинал то, что ни кино, ни после него уже никто не делал. «Подумай», — говорят, — у него кино про провинцию... Да ты хоть десяток картин слей про эту самую провинцию, не будет в них своей, особой цивилизации, мироощущения, что у Шукшина всегда было. Люди картины его ведь потому смотрят шли, что играл он на каких-то очень дорогих для них струнах. Я, например, думал, что уж у меня-то они — точно заржавели, на них и играть-то невозможно, а оказалось... А это — задача очень сложная...

В большинстве своих ролей я играю главное, чего в общественной жизни мне не хватает: уверенность! Конечно, какие-то годы я уже потерял, но пытаюсь относиться к этому с юмором. Хотя... Нелзя, конечно, относится к юмором к профессии, к женщинам, к любви... Нелзя! Все не обязательно выстраивать из всего

маленькое, когда брал у меня первое интервью: я не оправдал придуманного им для себя хода и оказался не случайно найденным на улице типажом, а глубоко провинциальным профессиональным артистом.

Мне, когда я первую свою роль сыграл, все сочувствовали: «Ну зачем хорошему сценаристу средним актером становиться!» А когда уже «Штаны» свои снял, возмущению предела не было: «Вот, отличный ведь артист, а зачем-то в режиссеры подался...» Да я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер. Выгоднее всего, наверное, тем считать, что вот сейчас как раз успех приносит. Ты знаешь меня «кинematографистом широкого профиля» Шукшина таким же был... Он для меня — идеал. И не только кинематографиста!

Я звереть начинаю, когда слышу или читаю, что вот, дескать, Шукшин — гениальный автор, блестящий актер и никакой режиссер; неправда это! Да, я смотрю кино его и понимаю: вот тут кадр плохо выстроен, вот тут — драматически не проработано... Он же до примитива прост! Но мне даже интересно, с каким режиссерским холами он дело имел, сказать-то ведь невозможно, что это — примитив; он начинал то, что ни кино, ни после него уже никто не делал. «Подумай», — говорят, — у него кино про провинцию... Да ты хоть десяток картин слей про эту самую провинцию, не будет в них своей, особой цивилизации, мироощущения, что у Шукшина всегда было. Люди картины его ведь потому смотрят шли, что играл он на каких-то очень дорогих для них струнах. Я, например, думал, что уж у меня-то они — точно заржавели, на них и играть-то невозможно, а оказалось... А это — задача очень сложная...

В большинстве своих ролей я играю главное, чего в общественной жизни мне не хватает: уверенность! Конечно, какие-то годы я уже потерял, но пытаюсь относиться к этому с юмором. Хотя... Нелзя, конечно, относится к юмором к профессии, к женщинам, к любви... Нелзя! Все не обязательно выстраивать из всего

маленькое, когда брал у меня первое интервью: я не оправдал придуманного им для себя хода и оказался не случайно найденным на улице типажом, а глубоко провинциальным профессиональным артистом.

Мне, когда я первую свою роль сыграл, все сочувствовали: «Ну зачем хорошему сценаристу средним актером становиться!» А когда уже «Штаны» свои снял, возмущению предела не было: «Вот, отличный ведь артист, а зачем-то в режиссеры подался...» Да я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер. Выгоднее всего, наверное, тем считать, что вот сейчас как раз успех приносит. Ты знаешь меня «кинematографистом широкого профиля» Шукшина таким же был... Он для меня — идеал. И не только кинематографиста!

Я звереть начинаю, когда слышу или читаю, что вот, дескать, Шукшин — гениальный автор, блестящий актер и никакой режиссер; неправда это! Да, я смотрю кино его и понимаю: вот тут кадр плохо выстроен, вот тут — драматически не проработано... Он же до примитива прост! Но мне даже интересно, с каким режиссерским холами он дело имел, сказать-то ведь невозможно, что это — примитив; он начинал то, что ни кино, ни после него уже никто не делал. «Подумай», — говорят, — у него кино про провинцию... Да ты хоть десяток картин слей про эту самую провинцию, не будет в них своей, особой цивилизации, мироощущения, что у Шукшина всегда было. Люди картины его ведь потому смотрят шли, что играл он на каких-то очень дорогих для них струнах. Я, например, думал, что уж у меня-то они — точно заржавели, на них и играть-то невозможно, а оказалось... А это — задача очень сложная...

В большинстве своих ролей я играю главное, чего в общественной жизни мне не хватает: уверенность! Конечно, какие-то годы я уже потерял, но пытаюсь относиться к этому с юмором. Хотя... Нелзя, конечно, относится к юмором к профессии, к женщинам, к любви... Нелзя! Все не обязательно выстраивать из всего

маленькое, когда брал у меня первое интервью: я не оправдал придуманного им для себя хода и оказался не случайно найденным на улице типажом, а глубоко провинциальным профессиональным артистом.

Мне, когда я первую свою роль сыграл, все сочувствовали: «Ну зачем хорошему сценаристу средним актером становиться!» А когда уже «Штаны» свои снял, возмущению предела не было: «Вот, отличный ведь артист, а зачем-то в режиссеры подался...» Да я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер. Выгоднее всего, наверное, тем считать, что вот сейчас как раз успех приносит. Ты знаешь меня «кинematографистом широкого профиля» Шукшина таким же был... Он для меня — идеал. И не только кинематографиста!

Я звереть начинаю, когда слышу или читаю, что вот, дескать, Шукшин — гениальный автор, блестящий актер и никакой режиссер; неправда это! Да, я смотрю кино его и понимаю: вот тут кадр плохо выстроен, вот тут — драматически не проработано... Он же до примитива прост! Но мне даже интересно, с каким режиссерским холами он дело имел, сказать-то ведь невозможно, что это — примитив; он начинал то, что ни кино, ни после него уже никто не делал. «Подумай», — говорят, — у него кино про провинцию... Да ты хоть десяток картин слей про эту самую провинцию, не будет в них своей, особой цивилизации, мироощущения, что у Шукшина всегда было. Люди картины его ведь потому смотрят шли, что играл он на каких-то очень дорогих для них струнах. Я, например, думал, что уж у меня-то они — точно заржавели, на них и играть-то невозможно, а оказалось... А это — задача очень сложная...

В большинстве своих ролей я играю главное, чего в общественной жизни мне не хватает: уверенность! Конечно, какие-то годы я уже потерял, но пытаюсь относиться к этому с юмором. Хотя... Нелзя, конечно, относится к юмором к профессии, к женщинам, к любви... Нелзя! Все не обязательно выстраивать из всего

маленькое, когда брал у меня первое интервью: я не оправдал придуманного им для себя хода и оказался не случайно найденным на улице типажом, а глубоко провинциальным профессиональным артистом.

Мне, когда я первую свою роль сыграл, все сочувствовали: «Ну зачем хорошему сценаристу средним актером становиться!» А когда уже «Штаны» свои снял, возмущению предела не было: «Вот, отличный ведь артист, а зачем-то в режиссеры подался...» Да я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер. Выгоднее всего, наверное, тем считать, что вот сейчас как раз успех приносит. Ты знаешь меня «кинematографистом широкого профиля» Шукшина таким же был... Он для меня — идеал. И не только кинематографиста!

Я звереть начинаю, когда слышу или читаю, что вот, дескать, Шукшин — гениальный автор, блестящий актер и никакой режиссер; неправда это! Да, я смотрю кино его и понимаю: вот тут кадр плохо выстроен, вот тут — драматически не проработано... Он же до примитива прост! Но мне даже интересно, с каким режиссерским холами он дело имел, сказать-то ведь невозможно, что это — примитив; он начинал то, что ни кино, ни после него уже никто не делал. «Подумай», — говорят, — у него кино про провинцию... Да ты хоть десяток картин слей про эту самую провинцию, не будет в них своей, особой цивилизации, мироощущения, что у Шукшина всегда было. Люди картины его ведь потому смотрят шли, что играл он на каких-то очень дорогих для них струнах. Я, например, думал, что уж у меня-то они — точно заржавели, на них и играть-то невозможно, а оказалось... А это — задача очень сложная...

В большинстве своих ролей я играю главное, чего в общественной жизни мне не хватает: уверенность! Конечно, какие-то годы я уже потерял, но пытаюсь относиться к этому с юмором. Хотя... Нелзя, конечно, относится к юмором к профессии, к женщинам, к любви... Нелзя! Все не обязательно выстраивать из всего

маленькое, когда брал у меня первое интервью: я не оправдал придуманного им для себя хода и оказался не случайно найденным на улице типажом, а глубоко провинциальным профессиональным артистом.

Мне, когда я первую свою роль сыграл, все сочувствовали: «Ну зачем хорошему сценаристу средним актером становиться!» А когда уже «Штаны» свои снял, возмущению предела не было: «Вот, отличный ведь артист, а зачем-то в режиссеры подался...» Да я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер. Выгоднее всего, наверное, тем считать, что вот сейчас как раз успех приносит. Ты знаешь меня «кинematографистом широкого профиля» Шукшина таким же был... Он для меня — идеал. И не только кинематографиста!

Я звереть начинаю, когда слышу или читаю, что вот, дескать, Шукшин — гениальный автор, блестящий актер и никакой режиссер; неправда это! Да, я смотрю кино его и понимаю: вот тут кадр плохо выстроен, вот тут — драматически не проработано... Он же до примитива прост! Но мне даже интересно, с каким режиссерским холами он дело имел, сказать-то ведь невозможно, что это — примитив; он начинал то, что ни кино, ни после него уже никто не делал. «Подумай», — говорят, — у него кино про провинцию... Да ты хоть десяток картин слей про эту самую провинцию, не будет в них своей, особой цивилизации, мироощущения, что у Шукшина всегда было. Люди картины его ведь потому смотрят шли, что играл он на каких-то очень дорогих для них струнах. Я, например, думал, что уж у меня-то они — точно заржавели, на них и играть-то невозможно, а оказалось... А это — задача очень сложная...

лодное лето...» говорю. Тяжче всего, конечно, в бане: стоит кому-то из голых опознать в таком же голом крутого Лузу — пиши пропало и парилке, и трезвому возвращению домой!

У меня же всегда был жуткий комплекс провинциала! Вот работал я актером в провинциальном театре, вроде нормально все было, но знаешь как трудно было взять и второй раз поступать поехать! Я после четвертого класса ведь больше двух лет в одном классе не учился и у меня до сих пор жуткое чувство «новенького вы классе»: неожиданных компаний не люблю, всегда стараюсь заранее узнать, кто будет... Комплекс мой даже в том выражался, что вот играет, скажем, классическая музыка, а я ее не понимаю. Каково мне? Где мне ее познать-то было? В Сиваках? Или в Шимановске, в котором на весь городок два аккордеона было? Там еще штыи баскетбольные стояли, а никто не играл: ребята просто правил не знали.

Мы часто пережидали, и иной раз в таких городах или поселках жили, по улицам которых ночами едва ли не мелведи ходили! Отец железнодорожником работал, потом в леспрохозе, мать работала, то нет... После школы мне отец денег дал, чтобы я в Казанский авиационный институт поехал — очень он хотел, чтобы я инженером стал! А у меня с тангенсами-котангенсами всегда жуткие отношения были. И стою я на экзамене в Казани, слышу... они там на Дальнем Востоке все тупые... Залез! Остался там токарем работать: у меня же к десятому классу уже разряд токаря был, мне все хотелось самому уметь делать... Да если б я на турнике не смог подтянуться, со стыда бы сгорел!

У меня про актерство и мысли никогда не было: когда справочки для поступающих листал, всегда театрально-актерские вские мимо. И во Владивостоке мы с другом Володей — он меня из всяких драк пацанов всегда вытаскивал! Поступать поехали на телемеханику учиться. А там в Институте культуры на актерский первый набор объявили: зашли с ним... Я «Зайца во хмелю» ми-

Писатель, актер, режиссер, сценарист. Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

ОБ ОПЫТЕ

Булгаков, по-моему, совсем не то имел в виду, что вот, мол, сидите и ждите, придут и все дадут. «Не прогибайтесь!» — вот что он, по-моему, имел в виду! А к такому жизненному правилу я и сам пришел, не с Булгаковым полдаски: как только я прогибался, тут же мордой об стол прикладывали! И не потому, что вот сидишь ты и решаешь, продастся влохование или не продастся; если уж ты берешься за дело, которое тебя зарнее не греет, труднее становится во сто раз, что-то сделать — сколько раз пытался! Писал заявки какие-то про БЭМ, про парохолство... Муха! Правда, сейчас целая толпа киношников активно обрабатывает темы, которые вчера еще запрещены были.

Я в «Штанах» своих (первый режиссерский фильм Приемыхова — Г.С.), историю, конечно, на основе собственного актерского опыта сочинил, но характер! Он ведь там совсем не мой. Был у меня знакомый по театру со смешной фамилией «Доставалов» — ну, из вечных общественных, председателей месткомовских, секретарей... А я даже зеньевым в пионерлагере не был; пять раз в комсомол вступал... Знаешь, как переживал, когда первый раз не взяли! В армии потерял билет, а меня в увольнительные не пускали. В «Благородном друге», сценарий которого по пути к экрану превратился в фильм «Штаны», мой Доставалов в театре Сталина играл, но тут все подрали стали Иосифа Виссарионовича поливать и я даже упоминание об этом из фильма убрал; на обсуждение кто-то из критиков изрек, что уж слишком фамилия «говорящая» и я заменил ее на фамилию моего дяди — Башанов... Сценарий-то ведь старый: его Динара делал, хотела, Марк Осипович Мамлюков... Но лезть хотела, что мне сценарий этот про актерскую жизнь не удался! По технике, по выполнению самый-самый мой — это «Магия черная и белая!» Я бы в аудиториях, где литературному труду обучают, плакат с предупреждением вывесил: «Только ничего не выдумывайте!»

Когда закончил первый институт, я был абсолютно уверен, что знаю о жизни все: что, где и как сказать, как и к чему я отношусь. Сегодня понимаю, что не знаю ничего. Недавно вроде еще знал, в начале... Иной раз слышу: актер-то Приемыхов — туда-сюда, он просто личность интересная! Меня на «Пацанов» ни объединение не утверждало, ни студия, ни Роскино: я и пробовался очень плохо, и самой роли боялся... Сценарий ведь закрытым был, его никому не давали делать, а Ермаш — при условии, что главного героя будет Нахаетов играть! — позволил его ставить только Динаре. Но она уперлась и пробила меня на роль Паши... На просмотре, между прочим, тех, которые возражали, кто-то спрашивает: а почему вы уверены были, что он не справится? А он, говорит, играл сверх своих возможностей! Ты мне объясни, ради бога, как это можно делать что-то сверх собственных возможностей?!

Мне еще в Институте искусств Вера Николаевна Сундукова внушала: никогда не играй больше того, что можешь! И ты будешь великим артистом.

На самом-то деле артист — достаточно хитрый: меня Динара учила импровизировать, и думаю, что был я одним из немногих, которые в ее картинах это умели делать. И не по таланту даже, а потому что я еще и драматург, могу характер изменить, ситуацию, реплики... В принципе, актер я — очень податливый. Но если берусь за роль, то инстинктивно пытаюсь сказать в ней что-то важное для себя, не сказанное мною в драматургии... В обыденном представлении актер — это человек, который в сортире изъясняется. А меня в Благовещенске как-то чуть не побили: ты зачем всему миру про нашу козу рассказываешь? Какую козу? Оказывается,

я в каком-то интервью сказал, что у нас в театре — «расписали» — коза была. Актер ведь вообще безумно трудно писать: неудобно, зыбкая какая-то профессия; Чекулов актеры тоже не удавались. Ты вот попробуй, напиши характер: приходит человек на репетицию «Гамлета», допустим, и начинает рассказывать, что дома у него — и абсолютно искренне рассказывает! — коза чего-то грустная, молока мало дает...

О СТОЛИЦЕ

Я до сих пор на родину свою «малую» приезжаю, выхожу из поезда и понимаю, что не просто к родственникам приехал, а туда, где мне хорошо: базар местный, клёны тенистые, бабушки на скамеечках сидят... Обжитое все! Бабушки эти, конечно, сплетничи, но с ними уютно как-то! А на Твэрска в Москве: машины — отдельно, жители — за занавесками где-то отдельно! Разве это жизнь?! Я в Москве и гулять-то никуда не выхожу... А дома или в городке провинциальном — куда на съёмки захотеть доводить-ся, — могу сутками шалить!

Что такое сегодня Москва?! Я нее понимаю, куда она хочет: в Европу? В Америку? Определенно только могу сказать, что она аморальна: человеку в криминальном этом метасте плохо, нынче сюда стекается люди самых пестрых судеб: там им жизнь их казалась неполноценной, потому только в столице стоит жить, только тут — «настоящее»! Я прошел призрачными лабиринтами московских ожиданий и знаю, чего стоят разочарования тех, кто в столице тех, кто в столице все-таки оседает: это — не Москва, воспетая Булгаковым и Окуджавой, состоящая из лучших сегодняшних провинциалов, попадающих в столицу — миграция.

Столица сегодня — это не культурно-географическое уже понятие, это скорее знак близости к власти, к распределению благ. Отсюда и отношение в ней к провинциалам как к чему-то, порядку — замечательный порядок! — нарушающему. А ведь столица общность из вчерашних провинциалов и организмовалась. Половина котировал своего провинциального происхождения стеснялась, только в застолье и вспоминая Волгу, Сибирь, Оку своего детства... Я вот тоже раньше думал: Господи, у других ведь — и речка как речка — Волга, скажем — а у нас — Пёра! А в последние время — как ощущение полного счастья! — и все чаще возникает во мне воспоминание: сидим с пацанами на завалинке, разговариваем о чем-то... солнышко припекает, март месяц! Речка Пёра ото льда освобождается...

Иностранцы, пытающиеся судить о России по столице только, ни в малой степени ее не поймут: по столичному лиху пытались сконструировать будущее, реформаторы наши провинцию, по моему, во внимание не принимают. А меня не покидает ощущение, что илеи, в течение многих лет в столичных офисах рождающиеся, погубил свою находку как раз за пределами Салового колыма... И надо быть предельно бессовестным, чтобы не видеть, как «несуществующая» эта провинция кормит «светоч» свободы и мысли — столичные города, как отдают детей свои в армию, на своей шкуре полно и больно испытывая зигзаги столичной политики.

Меня страшно раздражает, когда выступают от правительственного блока и уверяют: Россия не любит умных, провинция косяная и противная, — заранее уверенные, что уж они-то — самые умные! Но, как ни странно, «дураки» эти провинциальные всегда очень правильно голосуют, выполняя роль злого балласта-успокоителя. Без которого корабль под названием «РОССИЯ» давно бы перевернулся!

Записывал Геннадий СУХИН